

58

ТОЛСТОЙ — ЭТО ЦЕЛЫЙ МИР

М. Горький

Ленин о Толстом

Среди работ по литературе особое место занимают статьи Ленина о Толстом. Ленин хорошо знал произведения великого писателя земли русской.

Первая ленинская статья — «Лев Толстой, как зеркало русской революции» — появилась в связи с 80-летием писателя. Через два года Ленин вновь вернулся к этой же теме в связи со смертью Толстого. Назвав Толстого зеркалом русской революции, Ленин и в последующих статьях развивал это положение. Смысл этого определения в том, что мировая известность писателя была отражением мирового значения русской революции, ее силы и слабости. Толстой велик как художник, ибо он сумел в своих произведениях поставить ряд великих вопросов своего времени — о государстве, церкви, частной земельной собственности, капитализме — многие существенные вопросы революции. Ленин отмечает демократический характер его творчества как неизбежный результат особенностей его реализма. Толстой дал миру несравненные картины русской жизни, первоклассные произведения мировой литературы. Он срывал все и всяческие маски, подвергая беспощадной критике капиталистическую эксплуатацию, насилие правительства, комедии сушествования и т. д. Ленин Толстого вскрыл всю глубину противоречий между одновременным ростом богатства и нищеты, искренне протестовал против общественной лжи и лгалости. Признавая и цена эту громадную заслугу писателя, Ленин, с другой стороны, резко осуждал те стороны идеологии Толстого, которые тенденциозно выдвигались на первый план либералами и другими противниками революционных методов борьбы.

Характерно, что после смерти Толстого обострение борьбы вокруг наследия великого писателя было непосредственно связано с политической обстановкой в стране. Реакционная печать, не скупясь на лицемерные фразы о Толстом, всеми силами стремилась противопоставить разрастающемуся движению в сущности это был поход на демократию. В этой кампании объединились все враги пролетариата — от думских кадетов и октябристов до ликвидаторов-меньшевиков. Реакционные партии Думы даже обратились со специальным воззванием о прекращении демонстраций под предлогом «уважения» к «священной памяти». Они требовали, чтобы участники расхаживали по домам, дабы «не омрачать скорбных дней».

Разоблачая эту подлую мотивировку, Ленин выступил в конце 1910 года с новыми статьями: «Не начало ли поворота», «Начало демонстраций» и «Герои «оговорки»». Волну массовых демонстраций, широко протестующуюся по многим городам России, Ленин расценивает как начало нового революционного подъема в стране. Он дает достойный отпор всем политическим прислушникам буржуазии, которые прикрывали своим роль думских демократов ссылаясь на «уважение» к памяти писателя. В статье «Герои «оговорки»» Ленин гневно отчитывает ликвидаторов из «Нашей зари» в

лице Потресова и компании, называя их современными Балабайкиными. В их писаниях о Толстом, как «цельном» художнике и мыслителе с «монотонным» мировоззрением, Ленин зорко подметил игнорирование сильных сторон творчества писателя и пропаганду реакционных идей его учения.

Тот факт, что пропаганда слабых сторон взглядов Толстого в лагере реакции становилась все более активной, заставил Ленина более подробно охарактеризовать их.

В связи с этим им были написаны еще две статьи, предназначенные для массового читателя. В первой из них — «Лев Толстой и современное рабочее движение» — проводится четкое разграничение между взглядами Толстого и идеологией пролетариата. Ссылаясь на телеграмму депутатов-большевиков III Думы, в которой выражено отношение рабочего класса к художественному наследию писателя, Ленин вновь развивает свои прежние положения. Он разъясняет, что сильные и слабые стороны творчества Толстого обусловлены социально-историческими условиями эпохи 1861—1904 годов. Это была эпоха ломки всех «устоев» патриархальной России быстро развивающимся капитализмом. Эта ломка и отразилась в произведениях Толстого-художника и Толстого-мыслителя. Его искренняя и страстная критика была выражением передела во взглядах миллионов крестьян после крепостного права: их надежд и в то же время отчаяния перед новыми ужасами разорения. Проведя точку зрения патриархального крестьянства, Толстой внес в свое учение его напущенность и психологию, его мистицизм и бессильные проклятия по адресу капитализма. В его учении волею слиялись и протест миллионов крестьянских масс, и их отчаяние.

В другой статье под названием «Толстой и пролетарская борьба» сильные и слабые стороны великого писателя разграничены еще раз. Основная мысль ее сводится к требованию изучать художественные произведения Льва Толстого, чтобы рабочему классу лучше узнавать своих врагов.

Итог анализу толстовского наследия подводится в последней ленинской статье о великом писателе — «Л. Н. Толстой и его эпоха». Отмечая, что Толстой как художник и мыслитель сложился в период 1861—1905 гг., Ленин наглядно показывает отражение особенностей этого периода и крестьянского мировоззрения на ряде произведений: «Анна Каренина», «Война и мир», «Крейцерова соната».

Таковы основные мысли ленинских работ о Толстом. Независимо от акцента, который делается в той или иной из них, главной концепцией их является проблема: Лев Толстой и русская революция. Решение ее по-новому осветило творчество Толстого, его связь с традициями демократической русской литературы и общественной мысли, защитило великое художественное наследие Толстого от опущения либерально-буржуазной и меньшевистской критики.

Н. ШУКТОМОВ.

В республиканской библиотеке имени Ленина с большим интересом прошел вечер, посвященный творчеству великого русского писателя Л. Н. ТОЛСТОГО. НА СНИМКЕ: участники вечера у фото-стенда, знакомящего с жизнью и деятельностью Л. Н. ТОЛСТОГО.

«НАШ ОБЩИЙ УЧИТЕЛЬ...»

Телеграмма о том, что на станции Астапово, в российском захолустье, скончался Лев Толстой, пришла в Париж поздно вечером. Сразу же было созвано экстренное заседание объединения французских писателей. Патриарх критического реализма Анатоль Франс выразил дань признательности зарубежным художникам русского гения. Его последние слова «Толстой — наш общий учитель» потонули в гуле оваций.

За четверть века до этого аристократ и консерватор, но большой знаток славянских культур Мельхиор де Вогюэ выступил наумевшую на Западе книгу «Русский роман». Основываясь на анализе творчества Толстого, Тургенева, Достоевского, он пришел к категорическому выводу: «Я убежден, что влияние великих русских писателей будет спасительным для нашего истощенного искусства».

А ведь не так уж много времени прошло с тех пор, как Салтыков-Щедрин, вспоминая молодость, говорил о «свете», который «лился» из Франции в эпоху Жюль Верна и Виктора Гюго с их высокими, демократическим искусством. В конце столетия центр мирового революционного движения переместился в Россию и в конечном счете это скажется и на могучем подъеме русской литературы, выдвинувшей Толстого, Чехова, Горького.

Толстой был «открыт» на Западе после «Войны и мира». Слავа его быстро стала достоянием народов всей земли. Болгарский писатель Иван Вазов, обязанный Толстому многим в своей национальной эпопее «Под ягом», впоследствии вспоминал, что главы романа «Воскресения», печатавшиеся в «Ниве», переводились из Петербурга в Нью-Йорк по телефону...

В год выхода книги Вогюэ «Русский роман» уже не было Фюера, который незадолго до смерти «с возгласами восхищения» читал «Анну Каренину». Но в расцвете сил находился Золя и Мопассан. Однако двадцатилетний студент Нормальной школы Ромен Роллан, мечтавший о большой литературе, свои письменные издевательства в далекую Ясную Поляну. Корреспонденция Толстого была огромной, но эти два письма из Парижа он все же приметил. Ответ Роллану на двадцать восемь страниц — маленький, но поразительный штрих в биографии Толстого. Мысли об ответственности художника, о внимании к «рядовым» людям всегда подкреплялись у него делом!

«Его сильная рука была мне поддержкой в духовном одиночестве на Западе», — признавался Роллан уже после Октября. Перечитывая «Анну Каренину» и особенно знаменитую «Армарию на площади», лишь раз убеждаешься, что уничтожающие характеристики продажного, «балаганного» искусства буржуазии у Роллана, читавшего окружающей борьбой Толстого против декаданса, его «мужичкой» эстетикой.

В августе 1914 года, когда обнаружилось предательство вождя II Интернационала, Роллан заносит в дневник: «В Европе нет ни одного

крупного морального авторитета с тех пор, как умер Толстой».

У Роллана, да и у многих выдающихся зарубежных писателей, можно найти немало аналогий или прямых следов влияния Толстого. Но дело не в этом. Толстой слишком велик для того, чтобы ему подражали. Роллан, Драйер, Гарди, Голсуорси слишком значительны, чтобы стать подражателями, да и вырастают они на разной национальной и общественной почве. Не случайно Арагон советует французским трудящимся «читать и перечитывать Толстого, который сумел стать всемирным потому, что принадлежал прежде всего своей стране».

Но можно смело утверждать, что привольный «поток жизни», омытый берега таких социальных эпопей, как «Жан-Кристоф» Роллана, «Семья Тибо» Роже Мартен д'Ара, «Коммунизм» и «Страстная нежность» Арагона, романов Зелгера и Лакенесса, Драйера и Амауэ, было бы немисливо художественно осмыслить вне опыта и уроков Толстого.

Исполнскую силу Толстого верно оценил великий немецкий писатель Томас Манн, сравнив его с Антемом, богатырем греческой мифологии, говоря о «несравненной мощи его повествовательного искусства».

Англичанин Голсуорси не раз заявлял, что книги Толстого были для него учебниками и эталонами высшего мастерства. В «Саге о Форсайтах» — его высшем достижении, можно увидеть, как характеры и связи внутри семейно-классовой группы Форсайтов с их сложным искусством-несходством близки к принципам изображения Толстым Болконских и Ростовых.

Да, нельзя не согласиться с Константином Фединим, который сказал, что «Толстой — мировая школа литературного искусства». Но хочется выделить одну сторону дела. До Толстого один лишь Стендаль пытался понять войну в ее истинной, непараллельной сути. Не случайно Лев Николаевич в письме к С. А. Тол-

стой в 1883 году высказал свои «симпатии» к Стендалю за «смерть, родственность». Но в «Парижской обители» взял лишь угол битвы при Ватерлоо. Только автор «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира», создав грандиозные батальные картины, сумел посмотреть на войну глазами простого солдата, увидеть ее тяготы и будни, лишив казенно-официального ореола. Замечательный антифашистский писатель Арнольд Цвейг исходил из метода Толстого в своей эпопее «Большая война белых людей», хотя, понятно, не разделял его философские взгляды. С глубокой убежденностью немецкий прозаик сделал вывод: «Его уроки не сумел достичь никто из романистов, писавших о войне».

Толстой продвинул художественную культуру человечества на много вперед. Понятно, почему Франк Норрис, сыгравший важную роль в литературе США в начале века, мечтал о появлении в Америке «второго Толстого», почему Драйер у дал первые толчки к творчеству, а впоследствии помог ему написать судящиеся эпизоды в «Американской трагедии», почему Арнольд Цвейг в юные годы не расставался с карманным изданием «Воскресения», почему Анна Зелгер считает, что «Анна Каренина» — самый прекрасный роман о любви, какой я знаю», а Рабиндранат Тагор признавал писателя всех стран «склонившимся перед японскими волевыми».

Творчество Толстого необъятно и неисчерпаемо, как сама жизнь. В связи со смертью Толстого Ленин призвал читателей подумать «о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература». За эти 60 лет славные традиции Толстого развиты и приумножены его наследниками, писателями Советской страны. Но мы всегда будем помнить слова Горького: «Шекспир, Бальзак, Толстой — вот три монумента, воздвигнутые человечеством самому себе».

В. ГАЛЬПЕРИН.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. 1910 ГОД

1910 год — памятный год в моей жизни, или, выражаясь по-старинному, приспомятый, т. е. всегда вспоминаемый, незабываемый. Мне довелось быть на похоронах Льва Николаевича Толстого.

Это было «на заре туманной юности», когда я, окончив восьмилетнюю классическую гимназию, стал студентом Московского университета.

Надо сказать, нас в гимназии совсем не знакомили с сочинениями Л. Толстого. Даже в университетском курсе по русской литературе у Толстого говорилось лишь мимоходом и вскользь. Мы знали, что Лев Толстой — патриарх русской литературы, наш современник.

И вдруг мы прошли в газете «Русское слово» потрясающее весть: мир известие: умер Толстой. Мы с товарищем по гимназии, тов. В. Курочкиным, тотчас решили поехать на похороны Толстого в Ясную Поляну.

И вот мы на огромной площадке Курого вокзала. Желая ехать на похороны Толстого было огромное множество. И больше всего было нашего брата — студентов и курсисток. Пробравшись с большим трудом внутрь вокзала, мы узнали, что, кроме поездов по обычному расписанию, на Тулу будут отправлены дополнительные экстренные поезда с делегациями на похороны Толстого, в числе которых будет поезда и для Московского студенчества, но что запись на посадку в этот поезд уже прекращена. Мы опоздали записаться. В таком положении были многие, но расхаживать никто и не думал. И вот стало известно, что власти (возможно, смущенные и даже обеспокоенные необычайным скоплением людей на вокзале) решили отправить еще один дополнительный студен-

ческий поезд. Действительно, его послали. Помню, мы были в числе тех, кто должен был устроиться ввиду, занимая, пока не поздно, лишь места для сидения. Но это нас не обескураживало. Глубокое волнение от сознания, что мы завтра, вместе со всем народом, будем участвовать в похоронах великого писателя земли русской, делало нас ошарашенными и ничтожными эти дорожные неудобства.

Помню, что мы, как и остальные пассажиры, ехали без билетов, но без неприятных перспектив быть выселенными и оштрафованными, как полагают поступать с «зайчниками». Билетов никто не спрашивал.

Около 8 часов утра мы сходили с поезда на последней, конечной остановке — небольшой станции (за Тулой — «Козлова-Защек») (теперь Ясная Поляна). В ожидании скорого прибытия из Астапова траурного поезда с телом Льва Николаевича здесь собралась масса народа. Особенно много было крестьян и учащейся молодежи. В синеватой дымке железнодорожного полотна кое-где выдвинулись догорающие костры, зажженные ранее прибывшими с разных концов великой страны на похороны Толстого. Но погребения около них было уже нельзя, и в своих шинелях как рыбе в меду мы согрели себя как могли.

Взоры всех были напряженно устремлены в сторону станции Шекино, откуда вот-вот должен был прибыть астаповский поезд. Наконец, он показался в туманной дали и, замедляя ход, тихим шагом в товарищеском платформе. Товарищеский вагон с телом Льва Николаевича — последний в составе короткого поезда. Он был сразу узнаваем всеми по приметам к стенам еловым веткам

ну. Его бережно несли, сменяясь в пути, по своей обязанности люди разного общественного положения и возраста. Впереди пыльно укрепленное на двух шестах большое полотнище крестьянского, самодельного холста с надписью большими буквами: «Лев Николаевич! Память о твоём добре не умрет среди нас, ошарашенных крестьян Ясной Поляны». На всем протяжении четырехверстного пути от станции до Ясной Поляны лился протяжный стройный звук «Бенной памяти», единственной мелодии мелодии, исполнявшейся мощным хором студентов Московского университета. Согласно воле покойного, его хоронили просто, без обрядов православной церкви, без церковного пения, без ладана. Всем было известно, что великий писатель был еще в начале века отлучен от православной церкви. Препринятая во время болезни Л. Н. Толстого попытка святейшего синода, по инициативе и постановлению которого он объявлен был еретиком и предан анафеме, примирить писателя с церковью не удалась, и его хоронили как богоотступника и еретика. Это были первые в царской России гражданские похороны.

В середине дня, на исходе 11-го часа, многотысячная процессия приближалась к Ясной Поляне. Сквозь оголенные деревья показались большие белые дома Толстого. Был в сады окутывали две большие белые баши. Отсюда гроб по широкой аллее был внесен в дом и установлен в одной из комнат нижнего этажа. Вскоре после этого кто-то из распорядителей похоронных (кажется, сын покойного Илья Львович) объявил, что всем прибывшим на похороны будет дана возможность проститься со Львом Николаевичем.

Никогда в жизни я не стоял и, вероятно, никогда не буду стоять в такой огромной очереди, как в тот памятный день 9 ноября в скорбном ожидании встречи с великим писателем.

С часто бьющимся сердцем вошел я в комнату, где лежал знаменитый писатель.

Навсегда уснувший, он был, в общем, таким же, каким всем хорошо был знаком по портретам и фотографиям: глубоким старцем, с большой бородой, в своей привычной темной-серой блузе, ставшей впоследствии известной под именем «толстовки». Выражение лица покойного Льва Николаевича напоминало мне слова из гениального рассказа Толстого: «Он лежал с выражением того, что то, что нужно было сделать, сделано, и сделано хорошо».

Не останавливаясь у гроба, мы вышли через каменную террасу опять в парк к месту, где должно было состояться погребение. Здесь, у лесной дороги, на краю оврага, между высокими вековыми деревьями, руками астаповских крестьян была выкопана могила великому писателю. Когда гроб был принесен из дома и установлен у открытой могилы, все в глубоком молчании, обняв и склонив головы, опустились на колени. Было известно, что, по желанию родных и близких Льва Николаевича никаких речей на его могиле не будет произнесено, но в последний момент, перед опусканием гроба в могилу, какой-то старик с изможденным лицом не выдержал и воскликнул: «Великий Лев умер! Да сбудутся заветы его христианской любви. Да будет земля легка нашему великому Льву!»

Прощание с великим писателем, отдаленное от меня и моих сверстников полстолетием, остается до сих пор одним из наиболее значительных событий в моей жизни. А оттого, что было это «на заре туманной юности», сохранилось в памяти так, как будто случилось вчера.

А. ЗВЯГИН, преподаватель Коми пединститута, пенсионер.

